

Наконец, проблема народности связывается со злободневной проблематикой государственности. Для философа Й. Фихте единство немецкого народа — только «постулат будущего» (с. 126). Э. М. Арндт пишет: «У нас еще нет народа, у нас еще нет отечества, мы ищем и то, и другое и должны их искать» (с. 144).

В 70-е годы XIX века возникает термин «*volkisch*» в качестве немецкого перевода иностранного слова «*national*». В формирующейся «*Volkische Bewegung*» этот термин принимает националистическое и очень часто антисемитское значение.

После Первой мировой войны вся «*volkische*» идеология, как и все идеологические основы национал-социализма уже существовали в развитом виде. Примером такого мышления может служить книга В. Штапеля «*Volk*», вышедшая впервые в 1917 г. Книга изобилует клише вульгаризированной органической и романтической мысли, которая ставится на службу националистической и расистской идеологии. Автор книги различает «*Volkheit*», восходящую к позднему Гете и выражающую самую сущность народа, и «*Volkstumlichkeit*», которая является «предметным выражением «*Volkheit*»²³.

Очень популярным в годы Третьего Рейха становится термин «*Volksgemeinschaft*» (народное содружество, народная общность). Согласно социологу Ф. Тённису «*Gemeinschaft*» (содружество, общность) означает «реальную и органическую жизнь» в отличие от термина «*Gesellschaft*» (общество), который подразумевает идейное и механическое образование. «Живой организм» противопоставляется «механическому агрегату и артефакту»²⁴. Понятие «*Volksgemeinschaft*» должно было придать национал-социалистическому обществу призыв подлинных, родственных, семейных отношений.

III

Немецкая и русская «народность» развиваются в разных культурных традициях и, соответственно, обретают своеобразные значения. В результате тоталитарной узурпации, однако, функции народности в советской России и в Германии 1930-х гг. сближаются. Рассматривая эти функции, надо иметь в виду различие идеологий национал-социализма и сталинизма. В качестве таких разных доминант, окрашивающих содержание народности, можно назвать расизм и народный коллективизм. Национал-социализм обещает избавление немецкого народа через чистку от расово чужеродных элементов, а национал-большевизм стремится к восстановлению народного коллективизма, к своего рода «коммунальному сознанию»²⁵ путем устранения антинародных влияний. Как ясно из обзора проблематики народности в XIX веке, эти идеологические доминанты глубоко укоренены в истории этих двух культур.

Ниже мы проанализируем отдельные функциональные значения народности в тоталитарных обществах 1930-х гг. Во-первых, бросается в глаза то, что в обоих вариантах тоталитаризма понятие народа связано с представлениями об органичности и целостности, заложенными в романтической мысли. Кроме «*Volksgemeinschaft*» в идеологии Третьего Рейха большую роль играет понятие «целого», которому должно служить все индивидуальное, частное.

И в советской эстетике, философии, науке 1930-х гг. происходит поворот к органическому принципу. Отвергается так называемый «вульгарный социологизм» за его «отвлеченность» и «механистичность». В соответствии с традициями русской мысли XIX века, принцип синтеза ценится выше расчленяющего анализа. «Мертвому», «бездушному» техническому мышлению предыдущего периода повсюду противопоставляется «живое»²⁶. В отличие от идеологии национал-социализма, которая изначально отвергала рациональный, аналитический принцип, сталинизм должен был освободиться от собственного марксистского прошлого,

чтобы перейти к органически-целостному мышлению.

Как и органичность, представления об исторической традиции или вневременности неразрывно связаны с романтической мифологизацией народа. В Германии вечность народа основана на «крови», в то время как в советской народности делается упор на историческое и культурное величие русского народа.

Для обеих тоталитарных культур народность является не только обозначением фактического, но и идеального, можно даже сказать — утопического состояния. Эта черта заложена уже у мыслителей XIX века, начиная с Белинского. В соцреализме предлагается трехстадийная схема развития народности: в первобытном строе все творчество народное, в классовом обществе происходит отрыв профессионального искусства от народа, а в социалистическом обществе достигается «полное идейное единство между народным творчеством и профессиональным искусством»²⁷. «Единое поэтическое искусство советского народа»²⁸ как бы воплощает синтез и реализацию истинной народности. Это «торжество культуры, сумевшей заставить профессионалов творить фольклор»²⁹.

В немецкой традиции, начиная с эпохи романтизма, существует идея становящегося народа. «Volksgemeinschaft» Третьего Рейха претендует на историческое осуществление этой идеи. «Быть народом значит стать народом под руководством фюрера»³⁰.

По отношению к читателю, народность очень часто включает требования понятности, доступности и простоты — то, что в двадцатые годы называлось «массовостью» искусства. В. Кирпотин одним из первых в своем выступлении на Первом съезде писателей выдвигает простоту как ядро народности: «Нас обязывает к простоте социальный заказ миллионов»³¹. Однако простота в тоталитарном понимании крайне полемический термин, который направлен против формализма, который определяется как «нарочито затрудненное искусство»³².

В свете народности «непонятное» искусство авангарда оказывается дисфункциональным и вредным явлением. Народность открывает дорогу неограниченной власти китча. «Kitsch keeps a dictator in closer contact with the “soul” of the people [Китч теснее связывает диктатора с “душой” народа (англ.)]»³³. Милан Кундера пишет о коммунистическом китче в связи с первомайским праздником, который был пропитан «категорическим согласием с бытием»³⁴. Китч не менее распространен в Германии 1930-х гг. Наглядным примером является «Большая выставка немецкого искусства» (Grose Deutsche Kunstausstellung), которая была организована летом 1937 г. в качестве положительного контраста к выставке «Вырождающееся искусство» («Entartete Kunst»), проходившей в то же время³⁵.

Тоталитарная «простота» обыкновенно идентифицируется со здоровым и естественным. Не случайно так называемая «дискуссия о формализме и натурализме» прошла под знаком народности искусства. По выражению одного из критиков, формализм — это «смертельный враг народности в искусстве», или, другими словами, «уход искусства от народа», приравняемый к вырождению искусства³⁶. Другой автор утверждает, что «только народность искусства в состоянии дать бой вульгарному пониманию искусства, разоблачить формалистических ополщителей... или натуралистических приспособленцев»³⁷.

Язык статей газеты «Правда» — «Сумбур вместо музыки», «Балетная фальшь», «Ясный и простой язык в искусстве», — открывавших «дискуссию» 1936 г., изобилует словами, восходящими к пресловутой книге Макса Нордау «Вырождение»³⁸. В этих статьях подлинное, здоровое, естественное искусство противопоставляется болезненному, левацкому уродству, неврастеничному, судорожному и припадочному декадентскому вкусу, всяческим извращениям и искривлениям реальности и т. д. Книга Нордау, которая пользовалась большим успехом в России (в том числе среди марксистских авторов, таких как Плеханов, Луначарский, Горький), неоднократно переводилась и издавалась в начале века³⁹. Статья Горького «Поль Верлен

и декаденты» (1896 г.), которая насковзь пропитана словарем Нордау, не случайно появилась с актуальным комментарием в журнале «Звезда» в 1937 г.

Сталинская кампания против модернизма предвосхитила пресловутую выставку «Entartete Kunst» в Германии 1937 г. В каталоге выставки цитируются слова фюрера о том, что немецкий народ требует немецкого искусства, которое должно быть, «как все творческие ценности народа, вечно»⁴⁰. На открытии выставки Гитлер выступает против искусства высокомерных кружков, которые пытаются «смущать здоровое, инстинктивное чувство народа, вместо того, чтобы поддержать его»⁴¹. В нацистской Германии, как и в сталинской России очищение культуры от модернизма сопровождается почти идентичным словарем и постоянной ссылкой на народность. Разница только в том, что одни обосновывают свои лозунги антисемитскими, а другие — марксистско-ленинскими аргументами. В обоих случаях модернизм осуждается как «антинародное явление».

Кроме антимодернистских требований простоты и естественности народность содержит еще одну эстетическую компоненту, которая связана с прямым значением этого термина. Имеется в виду фольклорность. В тоталитарных обществах происходит фольклоризация всей культуры путем «возрождения» народных традиций⁴². С одной стороны, оживляются народные песни и танцы, с другой, мотивы и приемы фольклора рекомендуются как образец для профессионального искусства. В то время как в Германии фольклор должен был выразить вечную суть немецкого народа, в советской России привилась сталинская формула культуры «национальной по форме и социалистической по содержанию».

Подвергается критике теория отмирания фольклора, и фольклористы призываются на помощь в поощрении движения народных бардов, среди которых стали известны имена Сулеймана Стальского, Джамбула Джабаева, Марфы Крюковой и др. В 1938 г. вышел представительный сборник «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР». Подъем восточных традиций объясняется не в последнюю очередь тем, что их приемы пригодились в особенности для поэтического возвышения политических вождей. На фоне государственного фольклора бахтинская теория гротескного тела народа представляла собой вызов официальной народности на ее собственной территории. Официальной народности Бахтин противопоставлял идеализированный образ народного карнавала, который он извлек из западной культуры⁴³.

Кроме эстетических, народность выполняет и социально-культурные функции. Народ, как «Volksgemeinschaft» или «социалистический коллектив», обычно противопоставляется отдельным «группировкам», «кружкам» или просто неназванным «некоторым», которые якобы хотят навязать здоровому большинству, т. е. «народу» свой элитарный вкус. «Народ не хочет», по словам одного критика, «чтобы те, которые не играют главной роли в его жизни, колеблющиеся, рефлектирующие интеллигенты, играли главную роль как объекты его искусства... Народ имеет в своей борьбе цель. Его цель — сам народ, его счастливая коммунистическая жизнь»⁴⁴. С подобными требованиями выступает политическая власть, а не сам народ, а народность висит постоянной угрозой над головой художественной интеллигенции. Ссылаясь на народ, власть ведет борьбу со всяческими «чуждыми народу» устремлениями внутри общества.

Народность служит инструментом отмежевания и от внешних, в особенности западных, влияний. Так например, один критик отвергает «так называемое “западничество”, смешную и непристойную болезнь, которой заразились кое-какие из наших художников и которую пытались изобразить не болезнью, а признаком здоровья кое-какие критики»⁴⁵. Антизападническая тенденция достигает своего апогея после войны в борьбе с «антинародным низкопоклонством перед гнивающим Западом» и с «безродным космополитизмом». Механизм отбрасывания всего «чужого» во имя «своего» использовали оба тоталитарных государства. Ов-

ладев народностью, политическая власть самостоятельно определяет, в чем состоит здоровое ядро народа, а в чем — чуждые народу идеи.

IV

Народность выполняет в тоталитарной культуре различные функции, которые мы представим схематично вместе с противоположными понятиями. Обращает на себя внимание чрезвычайно широкий диапазон термина. Первые три оппозиционные пары включают в себя общие мифологические аспекты, четвертая, пятая и шестая касаются эстетических вопросов, а шестая и седьмая — социокультурных.

1. Органичность, целостность vs. Механическое, аналитическое
2. Традиционность, вневременность vs. Современная эпоха, модернизм
3. Идеальность, утопичность vs. Фактическое состояние народа
4. Простота, понятность vs. Затрудненность, элитарность
5. Здоровое, естественное vs. Болезненное, упадочное
6. Фольклорность vs. Профессиональное искусство
7. Большинство народа vs. «некоторые»
8. Своя культура vs. Чужая культура

Сформулируем некоторые итоги. Актуализация народности в советской России 1930-х гг. отсылает к 20—30-м годам XIX века, к эпохе возникновения категории «народность». Первоначально понятие народности, связанное со стремлением создать самостоятельную русскую литературу, возникло на основе романтической мысли в самой сфере культурного творчества. Советская народность, как составная часть соцреалистического канона, преследует цели создания специфической «советской культуры», но путем насильственного отрицания сложившегося мирового контекста модернизма.

Судя по высказываниям Пушкина или Белинского, уже в первые десятилетия XIX века ощущалось отсутствие точного определения понятия «народность». В сталинской России 1930-х гг. этот недостаток еще больше усиливается. Народность трактуется как категория, очевидность и правдивость которой не подлежит сомнению. При этом советские определения народности тавтологичны. «Чистая тавтология, — пишет Т. Адорно, — которая пропагандирует понятие, отказываясь определить его, и вместо того с упорностью повторяет его, рождается из духа насилия»⁴⁶. Тавтология объясняется тем, что тоталитарный дискурс, благодаря своему монопольному положению, не нуждается в оправдании и в дефинициях. Можно даже сделать вывод, что отрицательные функции понятия важнее его положительного значения. Тоталитарная народность лежит в основе целой системы запретов.

Почти все официальные ссылки на источники советской народности скорее затемняют дело, чем разъясняют его, и служат исключительно идеологической легитимации. Большая Советская Энциклопедия в конце рубрики «Народность» отсылает, например, к ленинской статье «Партийная организация и партийная литература», в которой речь о народности вообще не идет. Ленина интересовала только понятность искусства. Но это не мешало ритуально цитировать фразу из разговора с Кларой Цеткин: «Искусство принадлежит народу»⁴⁷.

Кроме Ленина, в Энциклопедии упоминаются еще Белинский, Чернышевский, Добролюбов и Плеханов. В отличие от революционных демократов, славянофильство и народничество в советское время открыто не выступали на идеологической поверхности. При Сталине они существовали лишь как «глубинное,